

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

Четырехчастная система законов династии Тан

Общие замечания

Писаное право в Китае возникло в особых условиях, что обусловило его собственную специфику. Первые попытки введения рационально сконструированных законов, призванных сменить и, по возможности, сделать неактуальным обычное право, относятся к периоду долгого исторического кризиса, политической борьбы в княжествах и между княжествами, на которые распалось древнее китайское государство в последние века династии Чжоу (VIII–III вв. до н.э.). Борьба идеологий и политических практик, одной из составляющих которой явилась борьба за введение и применение искусственно создаваемых законов, наложила свой отпечаток и на концептуальные основы права, и на круг задач, решение которых было за правом закреплено, — и наложила навсегда.

В отличие от многих древних обществ, законы в Китае никогда не создавались как нечто священное и непререкаемое, как благой дар богов, как идейная сверхценность. Напротив, господствующая теория поначалу относилась к продукту творчества некитайских, «варварских» народов, не ведавших морали и стыда, а потому вынужденных, чтобы хоть как-то наладить общежитие, прибегать к постоянному насилию посредством законодательно налагаемых запретов. Д. Бодде и К. Моррис отмечают, что, по всей видимости, подобная концепция возникла в V–VI вв. до н.э., когда идея введения законодательства вызывала почти всеобщее неприятие и резко порицалась традиционалистами¹, каковых в ту пору было, разумеется, большинство. Впоследствии, когда идея писаного закона постепенно доказала свою практическую ценность для государства, для поддержания в нем порядка и социального, пусть не мира, но хотя бы отсутствия внутренней войны, отношение к этой идее вынужденным образом несколько изменилось: законотворчество было приписано

¹ Bodde, Morris, 1967, p. 13.

древним мудрецам, которые стремились скомпенсировать законами, т.е. в первую очередь запретами и точно установленными наказаниями за их нарушение, неудержимо и постоянно происходящую порчу нравов. Было постулировано, что, если изменяется ситуация в стране, обязательно надлежит менять и законы, с тем чтобы они наилучшим образом могли обеспечивать порядок и пользу государства².

Сутью и смыслом писаного права виделась оптимизация отношений не между людьми, но между государственной властью и подданными.

Поначалу право попыталось выступить против всех связей между людьми, кроме связи «правитель–подданный», поскольку эти связи лишь мешали подданному быть эффективным и не стесненным никакими посторонними обязанностями исполнителем монаршей воли. Однако в результате длительного процесса конфуцианизации оно, напротив, горой встало на защиту основных иерархических и субординационных связей традиционного общества, а следовательно и традиционной этики.

Двухчастное деление китайских законов на так называемые *люй* 律 и *лин* 令 возникло задолго до династии Тан (618–907), еще при Хань (206 до н.э. — 220 н.э.). В ту пору считалось, что *люй* — это основа, наиболее стабильные и неизменные нормы, которые унаследованы от прошлого, а *лин* — это более оперативные нововведения, вводимые в действие текущими императорскими указами. Как отмечает Е.И. Кычанов, при Хань между законами этих групп еще не было четкого функционального различия и вторые, являясь сборниками императорских указов, могли наравне с *люй* включать вновь вводимые нормы уголовного права, т.е. нормы, предусматривавшие за те или иные действия те или иные наказания; однако постепенно в процессе разделения функций сложилось положение, согласно которому уголовные законы сосредоточились в нормах *люй*, в то время как нормы *лин* стали законами общеадминистративными³. В *люй*, косвенно принявших форму запретов, трактовалось о том, как надлежит наказывать тех, кто совершил что-либо наказуемое, т.е. о том, как поступать нельзя. В *лин* трактовалось о том, в соответствии с какими нормами и каким регламентом следует жить, т.е. о том, как поступать надо.

Однако в танское время именно в разъяснениях к *люй* было зафиксировано немало предписывающих норм, без предварительного изложения и объяснения которых зачастую оказывалось невозможным объяснить, в чем состоит то или иное их нарушение. И вдобавок, что не менее существенно, именно в разъяснениях к *люй* зачастую содержатся общетеоретические обоснования того, почему тот или иной поступок является проступком, почему данный проступок рассматривается тяжелее иных, сходных, и почему наказывается так, а не иначе. В *линах* ничего подобного не было. Этот культурологический слой, возможно, является самым интересным в танских *люй*. Значит, понимание законов *люй* как чисто уголовных не исчерпывает всего их содержания — но иначе их тоже никак не назовешь.

² См.: Книга правителя области Шан 1968, с. 175–178.

³ См.: Кычанов 1986, с. 7.

Ко времени формирования танского права бинарная модель *люй–лин* была дополнена двумя другими видами законов: *гэ* 格 и *ши* 式. Каждый из этих видов предписаний имел свою специфическую функцию.

Дословный перевод четырех этих иероглифов мало что говорит сам по себе, ибо значения их во многом повторяют друг друга. *Люй* значит «закон, закономерность, законоположение, устав, норма, уложение, дисциплина, кодекс; приводить в порядок, регулировать, ограничивать, наказывать по закону»; собственно, даже термин «закон сохранения энергии» по-китайски сформирован с применением этого же термина *люй*⁴. *Лин* значит «приказ, предписание, декрет, директива, наставление; приказывать, предписывать, обязывать, заставлять, давать возможность, побуждать»⁵. *Гэ* значит «норма, стандарт, правила, требования, рамки; ограничиваться, быть в рамках, подходить по стандарту»⁶. *Ши* значит «образец, стандарт, эталон, форма, норма, этикет, ритуал, образец, пример для подражания, церемониал, регламент, постановление»⁷.

Нетрудно заметить, что во всех этих четырех веерах значений главным общим смыслом является понятие ориентирующего образца, стандартизирующего требования, которое призвано обрубить частное своевольное разнообразие во имя общего скоординированного единения.

В англоязычном востоковедении принято переводить эти термины соответственно как Code (сборник законов, кодекс, свод законов государства, система правил), Statutes (законы, законодательные акты парламента, статуты, устав), Regulations (правила, устав, постановления, инструкции) и Ordinances (руководства, указы, предписания, приказы, религиозные таинства)⁸.

Сами тогдашние китайцы объясняли функциональное своеобразие этих законов так:

В танское время было четыре типа уложений: *люй*, *лин*, *гэ* и *ши*. *Лины* устанавливали распорядок и соотношение среди старших и младших, знатных и низких, а также государственную структуру. *Гэ* устанавливали постоянную практику, осуществляемую всеми должностными лицами на их постах. *Ши* являлись законами (*фа* 法), которых они (должностные лица. — В.Р.) неизменно придерживались. Во всех делах государственное управление должно было следовать этим трем [типам законов] (*цы сань чжэ* 此三者). Если же происходили их нарушения или если люди склонялись ко злу и доходили до преступлений, всегда следовало принимать меры на основании *люй*⁹.

Исходя не столько из буквального смысла терминов, сколько из функций обозначаемых ими правовых норм, я в своем переводе уголовного кодекса

⁴ См.: БКРС 1983–1984, т. 2, с. 899.

⁵ См.: там же, с. 753.

⁶ См.: там же, с. 525.

⁷ См.: там же, т. 4, с. 202.

⁸ См., например: The Tang Code 1979, p. 5.

⁹ Синь Тан шу 1975, с. 1407.

династии Тан «Тан люй шу и» предложил весьма условно, зато единообразно, называть законы *люй*, *лин*, *гэ* и *ши* соответственно уголовными, общеобязательными, нормативными и внутриведомственными установлениями. В этих формулировках я нарочито старался избегать употребления термина «закон», поскольку его непосредственный китайский аналог *фа* значительно более многогранен и широк по смыслу, нежели то, что в данном случае имеется в виду (это можно увидеть даже из приведенной выше цитаты). *Фа* — это законы как таковые, законы как принцип, как альтернатива неписаным нормам морали или вообще организационному хаосу, произволу, основанному на минутных пристрастиях и колебаниях правителя. *Люй*, *лин*, *гэ* и *ши* — это конкретные законодательные установления четырех разных типов, призванные упорядочивать четыре строго определенных сферы человеческой и государственно-административной активности.

Уголовные установления *люй*

Знаменитый «Тан люй шу и» — «Уголовные установления Тан с разъяснениями», или, в просторечии, танский кодекс, — являлся, как видно уже из самого названия, собранием уголовных установлений танского правительства, т.е. тех, что должны были устрашать потенциальных преступников страхом неотвратимого и заранее известного наказания, тех, с помощью которых государственной администрации различных уровней надлежало вразумлять и наказывать подданных, запятнавших себя совершением неправильных, отклоненных от одобряемого стандарта поступков. В силу того, что некие действия физически могли быть совершены, но морально не могли быть одобрены, за каждым из заранее предусмотренных действий такого рода были заранее закреплены наказания той или иной строгости.

Ко времени воцарения великой династии Тан процесс правотворчества насчитывал в Китае уже много веков, и каждая династия вносила в него что-то новое, свое. Но от тех эпох до нашего времени дошло очень мало правовых текстов. От Тан тоже дошло отнюдь не всё, но разница тем не менее принципиальна. И это можно считать неслыханной удачей китаистики, потому что именно при Тан долгий период созревания, формирования права, его адаптации к китайским культурным и социально-политическим реалиям наконец вполне завершился. То, что было сделано в этой области при династии Тан, явилось, с одной стороны, результатом долгого и многогранного развития, увенчанием вековых усилий, итогом многочисленных кодификаций, а с другой — основой и образцом для всего последующего развития уголовного права как в Китае вплоть до свержения монархии в 1911 г., так и во всей Юго-Восточной Азии, во всех странах, находившихся в сфере китайского культурного влияния, — Японии, государстве тангутов Си Ся (1032–1227), Корее, Вьетнаме.

Начало длительному, многоэтапному процессу создания величайшего правового памятника было положено сразу после прихода к власти основателя

танской династии Ли Юаня, императора Гао-цзу (прав. 618–627). Едва утвердившись в столице, он отменил действие наиболее жестоких законов предшествовавшей Тан династии Суй (581–618). То, что бесчеловечность ее последнего правителя и принятых при нем уголовных норм вызывала всеобщее возмущение, стало в Китае притчей во языцех. Был введен временный короткий кодекс (всего лишь из двенадцати статей). Смертную казнь Гао-цзу оставил только для преступников, повинных в измене, убийстве человека, грабеже и дезертирстве из его армии¹⁰.

Этой реформы было явно недостаточно, и в первый же год правления Гао-цзу повелел одному из наиболее высокопоставленных своих сподвижников, Лю Вэнь-цзину, самому, подобрав себе помощников, составить проект полноценного уголовного кодекса, имея образцом свод законов, принятый при Суй в годы правления Кай-хуан (589–600), т.е. в первые, относительно спокойные годы династии. При самой Суй кодекс Кай-хуан был в 607 г. заменен кодексом годов правления Да-е (605–617), от суровых предписаний которого Гао-цзу и поспешил избавиться сразу после прихода к власти¹¹. Кодекс на основе законов Кай-хуан был составлен, но модифицированными оказались лишь 53 статьи. Например, все три вида ссылки (наказание ссылкой подразделялось на три степени в зависимости от дальности высылки) были утяжелены добавлением 1000 *ли* (ок. 500 км) к первоначально полагавшимся расстояниям. Зато входившие в каждую из разновидностей принудительные работы по месту ссылки были резко облегчены: вместо 3 и 2,5 лет работ ко всем ссылкам присовокуплялся отныне только один год¹². Эти нормы были введены в действие в том же году, а затем постепенно была создана развернутая версия на основе кодекса Кай-хуан из 500 статей (что практически совпадает с окончательным вариантом танского кодекса, включающего 502 статьи). Эта версия была провозглашена в 624 г., но, по-видимому, за исключением этих 53 модифицированных статей, она в остальном копировала кодекс Кай-хуан¹³. Надо полагать, это мало кого могло устроить в наступившую новую эпоху — эпоху стабилизации и процветания.

С воцарением следующего императора Тан — великого Тай-цзуна (прав. 627–650) работа по созданию нового кодекса была продолжена. По-видимому, она ориентировалась на максимально возможное в рамках тогдашних воззрений смягчение наказаний и приведение предписаний кодекса в соответствие с реальной практикой управления и быта. В 637 г. известный ученый Фан Сюань-лин возглавил комиссию по очередному пересмотру, завершившемуся уменьшением наказаний за 92 преступления, ранее наказывавшиеся смертью (они ста-

¹⁰ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 1а; Синь Тан шу 1975, с. 1408.

¹¹ Есть, правда, основания полагать, что этот как бы неоспоримый факт является лишь поздней идеологемой. Э. Балаш приводит данные, согласно которым уголовный кодекс, принятый при Ян-ди, — кодекс годов Да-е — был на самом деле по многим показателям более мягким, нежели предшествовавший ему кодекс годов Кай-хуан, см.: Balazs 1953–1954, p. 89–92). Но, понятное дело, после свержения тирана не должно было обнаруживаться ничего хорошего.

¹² См.: Синь Тан шу 1975, с. 1408.

¹³ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 1б.

ли наказываться ссылкой), и 71 преступление, прежде наказывавшиеся ссылкой (теперь они стали наказываться каторгой)¹⁴.

Проводились и иные модификации. Например, ранее, уже при самой Тан наказание 50 различных преступлений, за которые прежде полагалась смертная казнь удушением, было смягчено, и в качестве послабления за те же преступления была предписана казнь отрезанием правой стопы¹⁵. Теперь на случай совершения тех же преступлений она была еще более смягчена — ее заменили на утяжеленную тремя годами работ ссылку максимальной предусмотренной законом дальности, так называемую ссылку с дополнительными работами (*цзю и лю* 加役流). Похоже, этой радикальной реформе предшествовали бурные споры относительно того, не чрезмерно ли такое милосердие¹⁶.

На протяжении следующих лет под руководством близкого родственника императора, одного из влиятельнейших сановников той эпохи — Чжансунь У-цзи, совершалась дальнейшая работа. Вдобавок к статьям *люй* были написаны пространные разъяснения *шу и*, подробно растолковывавшие и уточнявшие положения статей, а порой и присовокуплявшие к ним идеологические и культурологические обоснования. Очередные пересмотренные варианты кодекса вводились в 651 и 653 гг.; вариант 653 г. оказался практически окончательным¹⁷.

Существующие в наше время версии кодекса «Тан люй шу и» восходят к его изданию 737 г. — но, по всей видимости, текст этого издания копировал текст 653 г.; во всяком случае, мы не имеем никаких свидетельств о том, что те или иные положения кодекса за это время как-то пересматривались¹⁸. Ни одного варианта, напечатанного собственно в танское время, не сохранилось. Уцелевшие с той эпохи фрагменты в некоторых деталях отличаются от известных нам полных вариантов, но эти отличия несущественны¹⁹.

Характеризуя танские уголовные законы самым общим образом, надлежит сказать следующее.

Человек всегда хотел управлять природой или хотя бы встать с нею вровень — но в те времена, когда до реальных рычагов воздействия на природные стихии было еще далеко, он добивался равновеличия с ними хотя бы в собственных глазах.

Смирненно ощущать, будто он значит для вселенной ровно столько же, сколько любое другое животное, человек с его амбициями просто неспособен, особенно на ранних стадиях цивилизации, когда никаких реальных доказательств его скромной роли наука дать не могла. Человек видел себя гипертрофированно значимым в космосе; ощущая и понимая всю свою зависимость от космоса, всю значимость космоса для себя, он просто не мог и себя видеть иначе, не-

¹⁴ См.: Синь Тан шу 1975, с. 1410; см. также: The T'ang Code 1979, p. 39.

¹⁵ Возможно, лишь пальцев на правой стопе.

¹⁶ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 26; Синь Тан шу 1975, с. 1409.

¹⁷ См.: The T'ang Code 1979, p. 39.

¹⁸ См.: Кычанов 1986, с. 8.

¹⁹ См.: The T'ang Code 1979, p. 40.

жели значимым для космоса. Вообразить мир иначе оказалось бы просто невыносимо, а значит, и в голову не приходило²⁰.

Но, поскольку человек естественным образом ощущал гармонию между миром и собой как гармонию более или менее равных элементов целого, а при этом еще и рассчитывал на благожелательность мира²¹, он взамен вполне всерьез повышал при этом требования к самому себе.

Представление о том, что поведение людей может по каналам неких соответствий, отражений, откликов вызывать реакцию мироздания, присуще всем ранним культурам. И в традиционном Китае, как это часто бывало и бывает, субъективные иллюзии культуры вели к объективному социальному благу. Видя себя и свои представления как органичное продолжение природного мира, а природный мир — как органичное продолжение своей культуры и морали, человек наделял природу абсолютной моральностью, а потом всерьез старался ей соответствовать. Уверовав в существование обоюдной резонансной связи, он неизбежно должен был начать беречь гармоничную моральную вселенную от собственной аморальности, которая могла, нарушая мировую гармонию, через дисгармонизацию природы больно ударить рикошетом по самому же человеку. Мания величия в традиционных культурах оборачивалась манией не безответственности, но — ответственности.

Такая ответственность не могла реализовываться иначе, нежели через тщательное соблюдение моральных норм, являвшихся порождениями данной культуры со всей ее спецификой. Приписывая природе моральность, человек неизбежно приписывал ей моральность именно своей культуры, той, внутри которой находился он сам и которую полагал единственной.

Возвращаясь к анализу китайского традиционного уголовного права, в частности танского, можно сказать, что главной непосредственной задачей применяемого уголовного закона являлось устранение искажений из гармонично функционирующего триединого континуума Небо–Земля–Человек.

Чем более высокое положение занимает индивидуум, тем больше его роль в этом функционировании, тем, следовательно, больше воздействуют на континуум в целом его индивидуальные действия. Ответственнее всех, разумеется, император; от его правильных или неправильных действий напрямую зависит природный баланс. Окончательное утверждение подобной концепции связывается с именем ученого времен династии Хань — Дун Чжун-шу (179?–104? до н.э.).

Проступки и преступления менее значительных персон, разумеется, не влекли за собой глобальных последствий, но и они воздействовали на приро-

²⁰ Вполне современным рудиментом такой убежденности является, возможно, нынешняя уверенность в том, что глобальное потепление вызывается всего-то лишь нашей экологической неряшливостью. Да, мол, мы ведем себя неправильно, незаботливо, нерачительно — но ведь все равно прежде всего нам *лестно* сознавать, будто наша неряшливость может иметь планетарную мощь. Из этого однозначно следует, что, стоит нам стать заботливыми, это тоже почувствует сразу вся планета — и неприятные для нас явления разом прекратятся.

²¹ Грех не упомянуть, что ныне эта архаичная надежда на заботливость вселенной к человеку парадоксальным образом подтверждается антропным принципом астрофизики.

ду негативно. Следовательно, они должны были быть скомпенсированы наказанием, равным преступлению по силе воздействия на природу. Такое равенство являлось обязательным условием применения наказаний, поскольку в противном случае они не восстанавливали бы нарушенную преступлением гармонию, понимаемую как вселенская справедливость²², а лишь еще сильнее вредили бы ей. Наказания, принадлежащие к женской, темной стихии *инь*, при чрезмерно частом употреблении или несоразмерной суровости могли привести к непропорциональному распуханию *инь* в мире, вполне способному вызывать стихийные бедствия — наводнения, эпидемии, засухи, а то и нашествия саранчи. И когда подобные бедствия начинали превышать средненормальный уровень, это воспринималось как реальная реакция со стороны мироздания — бесстрастного, но обязанного на определенный раздражитель отвечать вынужденно суровым образом. И тогда императору, услышавшему неодобрительный окрик Неба, приходилось смягчать законы, объявлять амнистии и пр.

Карательная санкция не была, в сущности, наказанием, вразумлением или возданием — хотя в каком-то смысле была и тем, и другим, и третьим. Важнейшей составляющей пенитенциарной активности было восстановление мировой гармонии, компенсация урона, наносимого мирозданию преступлениями. И само применение таких компенсаций ни в коем случае не должно было быть чрезмерным, чтобы не привести к прямо противоположным результатам.

Вот, например, как увещевал в своем докладе танскую императрицу У-хоу (прав. 684–705) один из ее приближенных, полагая, что высшая власть попустительствует тем, кто злоупотребляет жестокими наказаниями:

Несправедливо обвиненные стонут и вздыхают, и чувства их нарушают мировую гармонию. Мировая гармония приходит в беспорядок, и на живущих рушатся поветрия, за ними следуют наводнения и засухи, и наступают лихие годы. Люди теряют занятия... страх охватывает все живое. В последние годы солнце палит не вовремя и облака не дают дождя. Землепашцы выпускают сохи из рук и, тяжело вздыхая, смотрят на небо. Как же тут не сожалеть о том, что Вы, Ваше Величество, обладая благой силой дэ, не распространяете ее на людей!²³

Эта концепция явилась существеннейшей причиной, обусловившей стремление танских юристов с максимальной тщательностью и однозначностью устанавливать соответствие наказаний не только разнообразным преступлениям, но и разнообразным обстоятельствам, при которых данные преступления могли совершаться. Дотошность тогдашних правотворцев просто удивительна. Но не менее удивительна и точность, с которой предписывалось явившееся результатом многоступенчатых уточнений конечное наказание.

²² Которая, правда, мыслилась отнюдь не как учет неким субъектом действия неких неотъемлемых прав объектов его воздействия, но просто как совершение всеми всех их действий надлежащим образом, не по прихоти своей, а согласно великим неизменным нормам.

²³ Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 9а.

Коль скоро все ситуационные и количественные характеристики преступления были путем следственных мероприятий однозначно определены, а затем в формулу уголовной статьи подставлены, судья должен был получить, по сути, совершенно точный, единственно возможный результат. Всякое отклонение от него, всякое проявление собственной гибкости уже, в свою очередь, начинало считаться правонарушением. Каждая из специальных статей танского кодекса может быть уподоблена математической формуле по типу « a , умноженное на b , возведенное в степень c и деленное на d , равно e ». Скажем, a — это конкретный субъект преступления (дееспособный, например, или нет, чиновник или простолюдин, лично свободный или лично зависимый и др.), b — это конкретная стоимость присвоенного им имущества, c — способ присвоения (например, с применением или без применения насилия) и d — наличие или отсутствие между субъектом и объектом преступления каких-либо родственных или субординационных связей (например, кража состоялась внутри семьи или украденное было вверено данному чиновнику-вору по службе). Понятно, что e в этой ситуации не могло быть расплывчатым, как в современных уголовных законах; танское право не допускало никаких «от трех лет каторги до пяти», «от шестидесяти палок до восьмидесяти». Формула давала однозначный результат и не могла иначе. Ничто не могло быть оставлено на произвол судьбы. Ведь если бы он ненароком принял неправильное, не выверенное лучшими умами империи решение, реки, чего доброго, вышли бы из берегов и погубили урожай.

Этичность уголовных законов Тан, с одной стороны, и однозначность их предписаний — с другой, дают исследователю уникальную возможность численного сопоставления тех или иных этических норм того времени, выстраивания их четкой иерархии, как бы их взвешивания. Можно сказать, что количество назначаемых лет каторги или палок может применительно к требованиям традиционной конфуцианской морали рассматриваться как некий аналог атомного веса в химии или, скажем, длины электромагнитной волны в физике.

Общеобязательные установления *лин*

Создание танских *линов* происходило параллельно созданию уголовных установлений *люй*, хотя по понятным причинам отражению этого процесса уделялось несколько меньше внимания. Работа над *линами* просто упоминается в паре с работой над *люй*. Например: первый император Тан Гао-цзу, вступив на престол,

...повелел... обривизовать и отредактировать установления *люй* и установления *лин*²⁴.

Или:

В 4-й год под девизом правления У-дэ (618–626) снова повелел... заняться написанием установлений *люй* и установлений *лин*²⁵.

²⁴ Синь Тан шу 1975, с. 1409.

²⁵ Там же.

Одновременно с уже упоминавшимся пересмотром уголовных установлений, выразившимся в замене в 92 статьях смертной казни на ссылку, а в 71-й статье — ссылки на каторгу, было сформулировано и утверждено 1546 статей общеобязательных установлений²⁶. Позже, в 11-м году под девизом правления Чжэньгуань (627–649) общеобязательных установлений оказалось уже 1590 статей, разбитых на 30 глав; в первом месяце указанного года они были обнародованы²⁷.

К этому времени свод уголовных установлений достиг своего завершающего варианта; возможно, нечто подобное произошло и с собранием *линов*. Фундаментальный регламент для всей империи был разработан и утвержден. В нем до тонкостей были расписаны все стороны социального бытия. Текущая, более тонкая и оперативная регулировка жизни управленческого аппарата и управляемого населения совершалась уже при помощи иных установлений — *ээ* 格 и *ши* 式.

Если танские *люй* сохранились практически полностью, пусть и с какими-то разночтениями, то установления других трех групп, к сожалению, практически полностью были утеряны.

В случае с общеобязательными установлениями *лин*, однако, положение удалось в значительной степени восстановить. Два основных фактора способствовали тому, что *лины* времен Тан нам ныне доступны: во-первых, выдержки из них часто и пространно цитировались в китайских источниках того времени, и, во-вторых, танские *лины*, так же как и танские *люй*, послужили образцами для многих сопредельных стран, в частности для Японии, и в Японии сохранились²⁸.

Например, в самом «Тан люй шу и» танские *лины* процитированы, причем достаточно связно, более полутора сотен раз. На них, как на авторитетное предписание относительно того, как надо жить, ссылались творцы уголовных законов, обосновывая закрепление того или иного уголовного наказания за поведением, нарушающим содержащиеся в *линах* предписания, т.е. суля кару за то, как жить не надо. И, кроме того, на общеобязательные установления зачастую было просто удобно сослаться, характеризуя то или иное официальное поведение либо ту или иную официальную структуру — вместо того, чтобы заново описывать их своими словами. Здесь и указания на то, что:

...согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, на откуп от смертной казни отводится 80 дней, от ссылки — 60 дней, от каторги — 50 дней, от наказания тяжелыми палками — 40 дней, от наказания легкими палками — 30 дней²⁹.

Или что:

²⁶ См.: там же, с. 1410.

²⁷ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 36.

²⁸ Хорошее представление о тогдашних японских *линах* — *рё* дает на русском языке перевод К.А. Попова, см.: Свод законов «Тайхорё», 1985–1989.

²⁹ Тан люй шу и, ст. 493; см. также: Уголовные... 2008, с. 219.

Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, тем, кто имеет 5-й ранг или выше, при совершении ими [наказуемых смертной казнью преступлений], не входящих в Злостную строптивость, или более тяжелых, разрешают покончить с собой дома³⁰.

Или, с другой стороны, что:

...согласно общеобязательным установлениям, тем, кто занимает служебные должности 5-го ранга и выше или же имеет награжденные должности 3-го ранга и выше, полагается личная охрана и домашняя стража³¹.

Или:

Согласно общеобязательным установлениям, 50 дней работы совершеннолетнего тяглого мужчины могут идти в зачет налогов и повинностей соответствующего года и полностью избавить от них³².

Или:

Согласно общеобязательным установлениям о семейном хозяйстве, при подозрении на притворство возраст и состояние определяют, исходя из внешнего облика³³.

Или:

Согласно общеобязательным установлениям, Семь причин для выдворения жены таковы: первая — бездетность, вторая — распутство, третья — неуслужливость по отношению к свекру и свекрови, четвертая — длинный язык, пятая — вороватость, шестая — ревнивость, седьмая — неизлечимая болезнь³⁴.

Или:

Согласно общеобязательным установлениям о конюшнях и пастбищах, на всех пастбищах доля потерь от смертей разнообразных животных ежегодно определяется из сотни голов. Допустимая убыль верблюдов составляет 7 голов, мулов — 6 голов, коней, быков, ослов, черных баранов — 10, а белых баранов — 15³⁵.

Эти примеры можно множить и множить, и все они, пусть и фрагментарно, относительно хаотически, содержат интереснейшую конкретную информацию о том, как день за днем жила страна на всех ее уровнях, во всех ее проявлениях: и в государственных учреждениях, и на производстве, и в быту.

³⁰ Тан люй шу и, ст. 499; см. также: Уголовные... 2008, с. 231.

³¹ Тан люй шу и, ст. 6; см. также: Уголовные... 1999, с. 80.

³² Тан люй шу и, ст. 44; см. также: Уголовные... 1999, с. 242.

³³ Тан люй шу и, ст. 55; см. также: Уголовные... 1999, с. 281.

³⁴ Тан люй шу и, ст. 189; см. также: Уголовные... 2001, с. 177.

³⁵ Тан люй шу и, ст. 196; см. также: Уголовные... 2001, с. 194.

Чего стоит, например, ссылка на общеобязательное установление, данная в статье, которая устанавливала наказание за устроение свадьбы в ту пору, когда отец или мать либо дед или бабушка по мужской линии находится за совершение какого-либо преступления в тюрьме³⁶. Наказание за такой брак варьировалось в зависимости от того, насколько тяжким было преступление, в котором обвиняли пребывающего под следствием предка, — ибо от тяжести преступления зависела, естественно, тяжесть наказания, а вот уж от нее напрямую зависел уровень скорби, которую надлежало испытывать в такое время потомку, вместо того чтобы весело стремиться к личному счастью посредством собственной свадьбы. Одно и то же веселье, поскольку оно могло идти вразрез со скорбью различных уровней, могло тем самым демонстрировать различные уровни аморальности. Если тот, кто находился в тюрьме, совершил наказуемое смертью преступление (т.е. ему грозила смертная казнь), новобрачный получал 1,5 года каторги. Если тем, кто в тюрьме, было совершено преступление, наказуемое ссылкой, новобрачному полагался один год каторги. Если же предок находился в заключении из-за преступления, наказуемого каторгой, наказание за свадьбу было 100 ударов тяжелыми палками.

Так вот, если брак этот заключался не своей волей, а согласно повелению того самого отца или деда по мужской линии, который находился в тюрьме, вина за такое поведение на брачующегося не возлагалась — ведь он не шел на поводу у собственных вожделений, а послушно выполнял волю предка, пусть и преступного, но отнюдь не утратившего из-за пребывания под следствием своих полномочий и своей ответственности за устроение дел семейных. Но далее в статье лаконично говорится:

Однако, согласно общеобязательным установлениям, нельзя устраивать свадебный пир³⁷.

Другими словами, жениться можно, но веселиться — нет. И это существеннейшее и очень симптоматичное ограничение вводилось именно общеобязательным установлением.

Этика должна была быть единообразной. Иначе это уже не этика, а хаос, мешанина личных предпочтений и прихотей.

Колоссальная работа по вычленению подобного рода ссылок и цитат из всего круга доступных китайских источников, а также их последующего структурирования с учетом структуры сохранившихся японских *линов* была принята именно в Японии. Корпус цитат удалось дополнить еще и разрозненными текстами некоторых оригинальных *линов*, обнаруженных археологами, и получившийся в результате свод, собранный Ниидой Нобору и опубликован-

³⁶ Когда в кодексе говорится «под арестом в тюрьме» (*бэй цю цзинь* 被囚禁), это надо понимать «под следствием», так сказать «в КПЗ». Тюремное содержание как собственно наказание за преступление танскими законами не предусматривалось.

³⁷ Тан луй шу и, ст. 180; см. также: Уголовные... 2001, с. 164.

ный в 1933 г., стал неоценимым источником относительно танских законов группы *лин*³⁸.

Как и *люй*, *лины* группировались тематически. Уголовные установления легче всего было классифицировать по сферам преступных деяний: нарушения в области охраны императорских резиденций, в области отправления гражданской служебной деятельности, в области военного управления, в области домашнего хозяйства и семейных норм, в области охраны личности или имущества и пр. Общеобязательные установления группировались по областям позитивной деятельности: структурирование элиты или государственных учреждений, землепользование, домашнее хозяйство, всеобъемлющий этикет, к которому относились и такие важные сферы, как правила участия в императорских аудиенциях или, наоборот, предоставление нерабочих дней по случаю общегосударственных праздников либо личных событий (смерть старших родственников, совершеннолетие или женитьба отпрысков и пр.).

Некоторые из разделов свода Нииды Нобору весьма невелики: скажем, раздел «Штатное расписание гвардий» содержит всего лишь два предписания, да и то прискорбно лаконичных: единственное по-настоящему информативное из них гласит, что для каждой из гвардий предусматривалась одна должность главнокомандующего (*да цзянцзюнь* 大將軍) и две должности командующих (*цзянцзюнь* 將軍), причем командующие должны были помогать главнокомандующему и при необходимости подменять его³⁹. Зато, например, такой раздел, как «Поля», содержит массу ценной информации об организации землепользования, от определения размерности единиц площади⁴⁰ до размеров земельных участков, выделявшихся чиновникам провинциальных административных единиц различного уровня согласно их рангам⁴¹, и даже нормирования использования тягловых животных при обработке земли в военных поселениях в зависимости от качества почвы⁴².

При ознакомлении с общеобязательными установлениями возникает поразительная картина тотально регламентированной социальной жизни, всегда снабженной статуциональными и функциональными маркерами. Современному человеку попытка ввести жизнь в предписанные для всех единые, вдобавок весьма жесткие, рамки может показаться безумной или по меньшей мере безумно бесчеловечной. Но такое маркирование имело важнейшие функции. Во-первых, его целью было благое намерение уподобить мелочную, сумбурную суету людей великой и неизменной гармонии мироздания с тем, чтобы и сами люди могли наслаждаться тем же покоем, той же неизменностью, что свойственны мирозданию. Во-вторых, создать положение, при котором всякий знал бы сразу, с кем и при каких обстоятельствах его столкнула судьба, чтобы не запутаться и по неведению или торопливости не совершить каких-то

³⁸ См.: Ниида Нобору 1964.

³⁹ См.: там же, с. 144.

⁴⁰ См.: там же, с. 607.

⁴¹ См.: там же, с. 647–648.

⁴² См.: там же, с. 656.

стациональных или поведенческих нарушений. Если вспомнить все это, тогда становится очевидно, что ничего иного, как попытаться сформулировать тотальный регламент, танским законодателям просто не оставалось.

Например, если на дороге встречались чиновники разных рангов, то чиновник 4-го ранга или ранга более низкого обязательно должен был сойти наземь при виде чиновника 1-го ранга. Аналогично обязаны были поступать, например, начальники любого из отделов Правительствующего учреждения империи (*шаншуньшэн* 尚書省) при встрече с руководителями данного учреждения⁴³.

В рамках тогдашних представлений соблюдение этого правила вовсе не было самодурством или проявлением невообразимой кичливости начальства, но, напротив, стремлением соблюсти глобальную правильность, всеобъемлющую регулярность даже в мелочах и тем хоть немного, да внести лепту в предотвращение возможных стихийных бедствий или эпидемий, другими словами — обеспечить народу и стране благосостояние и покой.

Но, чтобы такое правило не осталось пустым звуком, а могло бы реально работать, необходимо было создать положение, при котором все эти чиновники с первого взгляда были бы в состоянии опознать ранг, а то и место работы друг друга. А это влекло за собой столь же строгую регламентацию в одеяниях, экипажах, почетном эскорте и пр.

В *линах* не назначалось наказаний за нарушение того, что ими предусматривалось; это были предписывающие установления, а не перечисление предугадываемых нарушений с установлением за них эквивалентных мер воздаяния, как в случае с *люй*. Зато в самих *люй* была предусмотрена специальная статья за несоблюдение *лин*, согласно которой тот, кто нарушил общеобязательное установление, содержащее некое предписание или некий запрет, должен был быть наказан 50 ударами легкими палками. На случай нарушения внутриведомственных установлений *ши* 式 также предусматривалось наказание, но более легкое — 40 ударов легкими палками⁴⁴.

Этим, впрочем, дело не исчерпывалось, поскольку некоторые *лины*, особо важные для поддержания наглядного порядка в социуме, были, что называется, «равнее прочих». Другая статья кодекса предусматривает за их нарушение более тяжелое наказание:

Всякий, кто возвел или изготовил дом, постройку, экипаж, одеяние, предмет утвари или вещь, равно как могильный холм, каменное изваяние в виде животного и тому подобное в нарушение общеобязательных установлений, наказывается 100 ударами тяжелыми палками⁴⁵.

То есть, другими словами, намеренное нарушение социально маркирующего общеобязательного установления, способное дезинформировать окружающих относительно статуса данного лица, посягательство на видимые при-

⁴³ См.: там же, с. 493; см. также: Рыбаков 2009, с. 169–171.

⁴⁴ Тан люй шу и, ст. 449; см. также: Уголовные... 2008, с. 112.

⁴⁵ Тан люй шу и, ст. 403; см. также: Уголовные... 2008, с. 34.

знаки иного статуса каралось тяжелее нарушений прочих общеобязательных установлений. Нарушение визуальных социальных кодов было недопустимым проявлением недостатка человеколюбия, ибо оно было чревато погружением общества в хаос и возникновением его общего диссонанса со вселенной.

Дальше в той же статье уточняется, что, даже если была провозглашена амнистия, освобождавшая виновного от наказания, это никоим образом не давало ему права на пользование незаконно присвоенными маркерами чужого статуса: неправильное жилище, неправильная одежда и т.д. должны были быть перестроены или удалены. Исключение касалось только могил: если кто-то соорудил почившему предку надгробие не по статусу, тревожить умершего все же не следовало. Пиетет предков перевешивал здесь значимость дресс-кода; но, возможно, такое послабление могло быть истолковано и вполне прагматически — ведь сбой в программировании человеческого поведения относительно могил реально был куда менее значимым, чем сбой, например, в программировании поведения двух живых и функционирующих чиновников относительно друг друга.

Очень характерно, что в статье ни слова не сказано о посягательстве на маркеры именно и только более высокого статуса. Говорится о несоответствиях как таковых, в любую сторону равно. Не вводится и разделения тяжести наказаний за посягательство на более высокие и более низкие маркеры. Закону в данном случае, похоже, было все равно, оделся ли нарушитель князем или нищим. Важно то, что он оделся не как подобает. Его нельзя опознать, классифицировать, с первого взгляда соотносить с требованиями вести себя с ним как должно.

Текст основной статьи кодекса о нарушениях *линов* вводит немаловажную оговорку:

...Имеется в виду, что в общеобязательном установлении содержится запрет или предписание, а в уголовных установлениях за их нарушение не предусмотрено определенного наказания⁴⁶.

Это значит, что наказание 50 ударами легкими палками за нарушение общеобязательного установления назначалось только в том случае, если запрет или предписание, введенные данным *лином*, не были повторены в каком-либо виде текстами статей уголовного кодекса и за них не было назначено специально оговоренного наказания.

Дело в том, что часто бывало наоборот. Например:

Согласно общеобязательным установлениям, те, кто направлен к месту службы, получают время, отведенное на сборы. Тот, кто по истечении срока еще не отправился, за 1 день наказывается 10 ударами легкими палками. За каждые последующие 10 дней наказание увеличивается на 1 степень. Увеличение наказания ограничивается 1 годом каторги⁴⁷.

⁴⁶ Тан луй шу и, ст. 449; см. также: Уголовные... 2008, с. 112–113.

⁴⁷ Тан луй шу и, ст. 96; см. также: Уголовные... 2001, с. 22.

В *линах* по этому поводу говорится:

Всем провинциальным чиновникам, получившим назначение, предоставляется отпуск на сборы. Если место назначения расположено в пределах 1000 *ли* — 40 дней, если в пределах 2000 *ли* — 50 дней, если в пределах 3000 *ли* — 60 дней, если в пределах 4000 *ли* — 70 дней, если более чем в 4000 *ли* — 80 дней⁴⁸.

Таким образом, данное общеобязательное установление содержит предписание, но нарушение этого предписания, если оно было коротким, могло быть наказано легче 50 ударов легкими палками, а если затягивалось, наказание могло серьезно превысить то, что предписывалось, вообще говоря, за невыполнение общеобязательного установления.

Или: согласно общеобязательным установлениям, наблюдатель, увидев странности ветра, облаков, испарений или освещения, обязан был подать тайную запечатанную докладную записку на Высочайшее имя⁴⁹. Наблюдение и толкование небесных знамений было в танском Китае делом государственной важности и, соответственно, секретности, ибо именно через знамения (если только дело не доходило до крайности и не приходилось воздействовать стихийными бедствиями) Небо выражало свое мнение относительно деятельности правящего императора. Понятно, что интерпретировать выражение этого мнения, расшифровывать послания Неба могли только квалифицированные люди, находившиеся на специальном счету. Поэтому нарушение данного общеобязательного установления каралось отнюдь не 50 ударами легкими палками, а попадало под действие статьи о разглашении дел, которые надлежит хранить в тайне. Соответствующая уголовная статья посвящена главным образом разглашению секретных планов военных или специальных операций, однако в разряд дел небольших, но секретных было включено и наблюдение необычных атмосферных явлений. Тот, кто не направлял вверх тайную запечатанную докладную записку, а разглашал итоги своих наблюдений, наказывался 1,5 годами каторги⁵⁰.

Конечно, встает вопрос, насколько точно и постоянно соблюдались все эти бесчисленные регламентирующие правила. Надо думать, в том, что касается чиновников и учреждений, равно как и их рутинной деятельности, соответствие буквы установлений и духа живой жизни было весьма велико. На нижних же уровнях, как всегда, возможны были варианты; ситуации, когда закон сам по себе, а быт сам по себе, никого не могут удивить и отнюдь не являются признаком того, что закон не работает, что он не соответствует жизни, что он превратился в формальность. Просто следует помнить, что зазор всегда возможен и это, в сущности, нормально.

Впрочем, видный китаевед Д. Твитчетт полагает:

⁴⁸ Ниидэ Нобору 1964, с. 749–750.

⁴⁹ См.: там же, с. 847.

⁵⁰ Тан луй шу и, ст. 109; см. также: Уголовные... 2001, с. 42.

...На протяжении Тан предписания уголовного кодекса вряд ли исполнялись с точностью до буквы, в то время как статуты... похоже, строго проводились в жизнь⁵¹.

Если вспомнить давнее противоборство конфуцианской концепции управления при помощи морали и легистской — при помощи законов, которые затем, слившись, породили синтетическую концепцию, согласно которой мораль и законы представляли собою лишь две стороны единства, сродни стихиям *ян* и *инь*, можно сказать, что в какой-то мере двуединая система *люй* и *лин* стала правовым воплощением этого единства.

Мораль побуждает действовать правильно и подсказывает, как должна выражаться эта правильность, а закон подкрепляет требования морали страхом наказания за их несоблюдение, когда моральные побуждения пасуют перед корыстью, эгоизмом или простой необразованностью, из-за которой человек пусть и хотел, да не сумел быть хорошим. Общеобязательные установления являлись предельно формализованным и стандартизованным воплощением побуждений морали, вводили правильное поведение в строго определенные рамки. Чиновников в учреждениях ровно столько, сколько надо для оптимального выполнения дел. Каждый из них получает в соответствии со своим рангом ровно такое жалованье, какое справедливо. Каждая семья получает ровно столько земли, сколько ей надлежит иметь. Каждый человек носит траур по родственникам строго определенным образом, точно учитывая близость родства, чтобы ни в коем случае проявления скорби по дальним не могли сравниться с проявлениями скорби по ближним. И так далее, и так далее... Уголовные же установления постоянно стояли рядом в полной боевой готовности на случай, если по небрежению или тем более из корысти, неприязни или по злобе кто-то решился нарушить означенные нормы. Поэтому в *люй* предусмотрены наказания и на случай сверхштатного назначения чиновников, и на случай нарушения норм землепользования, и на случай нарушения сроков траура.

Конечно, строгой параллельности этих двух рядов не было и быть не могло. Прежде всего потому, что далеко не все требования морали могли быть формализованы. Более того, не могли быть формализованы ее главные требования. Общеобязательными установлениями типа *лин* незачем было, например, предписывать не убивать, не воровать, не поджигать соседский дом или, например, не портить водозащитные дамбы. Это как бы само собой разумелось для всех в равной мере. Не убий — не жанр императорских указов. Но огромная часть уголовных установлений посвящалась наказаниям нарушений именно норм морали, обеспечивающих элементарные взаимные гарантии в обществе. Поэтому наказания были предусмотрены и за убийство, и за кражу, и за поджог, и за порчу дамб.

Однако там, где мораль поддавалась количественному исчислению, как, например, в случаях с наделами земли или сроками траура, или, скажем, точ-

⁵¹ Twitchett 1957, p. 29.

ному маркированию, как в случаях с одежаниями, без *линов* оказывалось невозможно обойтись, и тогда *люй* и *лин* действительно становились двумя параллельными элементами бинарной совокупности.

Нормативные установления *гэ*

Относительно двух других видов установлений — нормативных и внутриведомственных — мы знаем гораздо меньше, потому что они практически не сохранились. Есть лишь весьма узкий круг цитат из них, которые можно обнаружить в тех или иных источниках, да несколько случайно сохранившихся, археологами найденных фрагментов — и то относительно некоторых из них до сих пор идут споры, является ли данный отрывок без начала и конца отрывком, скажем, *гэ* или нет.

Работа над нормативными установлениями была по меньшей мере столь же интенсивной, что и работа над *люй* и *лин*.

Уже во 2-м году под девизом правления У-дэ (618–626), т.е. на второй год царствования первого императора Тан, были обнародованы новые *гэ* в 53 статьях, посвященные различным преступлениям чиновников, наказания за которые не могли отменяться или облегчаться амнистиями⁵². В 11-й год под девизом правления Чжэнь-гуань (627–649), на пике великого царствования второго императора Тан Тай-цзуна, наряду с выпуском 30 глав *линов* было проанализировано свыше 3000 императорских указов годов правления У-дэ и более поздних и на их базе сформулировано и издано 700 *гэ*⁵³ в 18 главах⁵⁴. В 3-й год под девизом правления Кай-юань (713–741) были изданы *гэ* периода Кай-юань, а в 25-м году того же периода — новые *гэ* из 1000 статей⁵⁵. 18 глав были изданы в период Юн-хуй (650–655), причем с этого момента нормативные установления начали подразделяться на *гэ* для столичных учреждений, или, если переводить китайский термин *люсыгэ* 留司格 более дословно, на нормативные установления, остающиеся в учреждениях, и *саньбаньгэ* 散頒格, т.е. рассылаемые, распространяемые *гэ* — нормативные установления для местной администрации округов и уездов. В «Цзю Тан шу» разница разъясняется так:

...Те, в которых трактовалось о служебном распорядке отделов и приказов, назывались *люсыгэ*, а те, которые рассылались по Поднебесной, общие для всех, назывались *саньбаньгэ*. *Саньбаньгэ* распространялись по округам и уездам, тогда как *люсыгэ* оставались в центральных учреждениях и использовались там⁵⁶.

В годы под девизом правления Чуй-гун (685–688) было выпущено 6 глав *люсыгэ* и 3 главы *саньбаньгэ*. В год под девизом правления Тай-цзи (712 г.)

⁵² См.: Синь Тан шу 1975, с. 1408.

⁵³ См.: там же, с. 1410.

⁵⁴ См.: Цзю тан шу 1936, цз. 50, с. 36.

⁵⁵ См.: Синь Тан шу 1975, с. 1413.

⁵⁶ Цзю тан шу 1936, цз. 50, с. 56.

был еще один очередной выпуск *зэ*. Первый выпуск *зэ* годов под девизом правления Кай-юань (713–741) был в 10 главах, второй тоже в 10 главах⁵⁷. Упоминаются и другие издания. В среднем в первой половине Тан сборники новых нормативных установлений издавались каждые 10–15 лет. Затем, в связи с перманентным кризисом, в который вошло танское государство, все процессы правотворчества, по-видимому, оказались заморожены, в том числе и этот. Во всяком случае, упоминания о пересмотре тех или иных видов установлений в династийных историях перестали мелькать так, как это происходило при описаниях первых десятилетий династии.

Базой для нормативных установлений были императорские указы. Поток их был нескончаем; повеления Сына Неба, подразделенные на несколько иерархических уровней в зависимости от затрагиваемых в них тем, были единственной формой реагирования высшей власти на любые изменения обстоятельств, на любые новые события в империи или на ее пределах. Это была управленческая текучка, рутина. Время от времени массив указов просеивался на предмет выделения решений и предписаний, которые не относились к некоему единичному событию, а имели (или могли иметь) более или менее длительное действие. Они компилировались воедино, и так получались сборники нормативных установлений.

Существенно то, что многие указы, послужившие базой для нормативных установлений, были связаны с внесением временных поправок к установлениям *люй* и *лин*. В *зэ* формулировались существенные правила, взятые из указов, но освобожденные от обязательной для указов стилистической цветистости. Между указами и нормативными установлениями существовали и обратные связи. Д. Твиччетт упоминает, что существовали сборники, которые назывались *Гэ хоу чи*, т.е. «эдикты вслед за регуляциями», игравшие большую роль в поддержании законодательства на уровне требований текущей ситуации после мятежа Ань Лу-шаня (755 г.), когда регулярные периодические пересмотры законов основных типов временно прекратились. В частности, они издавались по нескольким поводам в течение первых лет правления Дэ-цзуна (780–804) и в правление Сянь-цзуна (806–820) и его наследников, когда центральное правительство настойчиво пыталось восстановить контроль над провинциями. Они использовались и прежде, первые серии появились, возможно, до 705 г., затем в 731 г. Они были хорошо известны тогдашним японским юристам⁵⁸.

Как и многие единомоментные императорские указы, нормативные установления подразделялись по названиям учреждений. Они издавались только для исполнения только данными государственными, столичными или провинциальными, органами определенного профиля, и в названиях *зэ* то, где они должны были исполняться, указывалось с самого начала.

В танском уголовном кодексе, хоть и значительно реже, чем *лины*, цитируются и *зэ*.

⁵⁷ См.: там же, с. 4а.

⁵⁸ Twitchett 1967, p. 374–375.

Например:

Согласно нормативным установлениям, даосские монахи и монахини, самовольно надевавшие мирскую одежду, должны быть возвращены в мир⁵⁹.

Или:

Согласно нормативным установлениям, даосский монах, распространяющий учение, ходя от двери к двери, наказывается стодневным *куши* 苦使⁶⁰.

Или:

Согласно отдельным нормативным установлениям (*бе ээ* 別格), всякий варвар, взявший ханьскую женщину в жены или наложницы, не может взять ее с собой, возвращаясь в варварские пределы⁶¹.

Кроме того, есть и предписания, проясняющие правовую работу с самими нормативными установлениями, например:

Всякий раз, когда выносится приговор к наказанию, необходимо полностью привести текст уголовного, общеобязательного, нормативного или внутриведомственного установления с прямыми указаниями⁶².

Или:

Всякий раз, когда приговор к наказанию был вынесен Указом или Высочайшим распоряжением, он является мерой лишь для данного момента и не должен рассматриваться как нормативное установление, дарованное навечно. Приводить его впоследствии для определения наказания по аналогии (*бифу* 比附) нельзя⁶³.

Очень интересно многослойное, похожее на матрешку (*люй*, который ссылается на *лин*, в котором трактуется о *ээ*) предписание, гласящее:

...Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, если было совершено преступление и затем были введены нормативные установления с изменениями, так что предусматриваемое новым установлением наказание легче, чем предусмотрено в *люй*, при вынесении приговора разрешается следовать более легкому⁶⁴.

⁵⁹ Тан люй шу и, ст. 23; см. также: Уголовные... 1999, с. 158.

⁶⁰ Тан люй шу и, ст. 23; см. также: Уголовные... 1999, с. 158. У. Джонсон интерпретирует наказание *куши* как сидение в цепях в пустом внутреннем дворе монастыря и переписывание текстов сутр, пять страниц в день; см.: The T'ang Code, p. 146.

⁶¹ Тан люй шу и, ст. 88; см. также: Уголовные... 1999, с. 350.

⁶² Тан люй шу и, ст. 484; см. также: Уголовные... 2008, с. 197. Имеется в виду, надо думать, приведение текста того установления, на основании которого или в связи с нарушением которого выносится приговор.

⁶³ Тан люй шу и, ст. 486; см. также: Уголовные... 2008, с. 200.

⁶⁴ Тан люй шу и, ст. 31; см. также: Уголовные... 1999, с. 188.

К сожалению, отсылки, даваемые в кодексе, не проясняют структуру самих нормативных установлений и ни разу не упоминают, об установлениях для какого именно учреждения в каждом данном случае идет речь.

Пожалуй, самый знаменитый фрагмент нормативного установления был обнаружен среди манускриптов из Дуньхуана. Фигурирующее в нем *гэ* предназначалось для исполнения в провинциях местными правоохранительными органами. Содержание документа и обнаруженных в иных источниках вариантов фигурирующего в нем установления подробно излагает Д. Твитчетт в специально посвященной этому работе.

Документ датируется 705 г. Он предписывает ужесточение наказания за изготовление фальшивой монеты. Исходный императорский указ был провозглашен в 682 г. Его издание было вызвано неким кризисом в сфере наличных средств денежного обращения⁶⁵, с которым правительство пыталось бороться, в частности, ужесточением мер против фальшивомонетчиков. Основанное на данном указе нормативное установление, отрывок из которого известен, поскольку он был приведен в уголовном кодексе следующей после Тан династии Сун⁶⁶, относится к 737 г. Все три варианта (682, 705 и 737 гг.) предписывали дополнительные санкции против изготовителей фальшивой монеты и дополняли соответствующую статью уголовного кодекса⁶⁷.

Указ 682 г. разделялся на две части: в первой речь шла о наказании самих фальшивомонетчиков, во второй — об ответственности главы семьи, членов соседской ячейки и пятидворки круговой поруки, а также нечиновных глав местной низовой администрации: сельских (*личжэн* 里正) и квартальных (*фанчжэн* 坊正), в чьем ведении жили и действовали преступники. Первая часть была поправлена несохранившимся указом, изданным в промежутке между 682 г. (годом издания исходного указа) и 705 г. (годом издания данного нормативного установления). Исходный указ 682 г. утяжелял наказание главного преступника со ссылки на 3000 *ли* на удушение, а для сообщников предусматривал ссылку с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流) — одну из пяти особых ссылок, которая, как мы помним, в начале Тан была введена вместо членовредительского наказания отсечением правой стопы. Согласно найденному фрагменту нормативного установления 705 г., наказание, предусмотренное в уголовном кодексе, дополнялось, однако, лишь тем, что ответственность семьи главного преступника следовало конфисковать в казну, а также тем, что все чиновники, замешанные в преступлении, не могли пользоваться для избавления от наказания зачетом должностью или откупом. Текст сунского кодекса снова предписывает смертную казнь удушением, предваряемую битьем 100 ударами тяжелыми палками. Твитчетт заключает, что *гэ* 705 г., видимо, отражает временное изменение закона, которое затем было отменено, и такое предположение хорошо согласуется с тогдашней по-

⁶⁵ См.: Twitchett 1963, p. 290.

⁶⁶ См.: Сун син тун 1964, с. 863–864.

⁶⁷ См.: Тан луй шу и, ст. 391; см. также: Уголовные... 2008, с. 12. Данная статья кодекса назначает изготовителям фальшивой монеты наказание ссылкой на 3000 *ли*, а если изготовление еще не было завершено — двумя годами каторги.

литикой относительно изготовления фальшивой монеты: предписания были сильно смягчены в конце правления У-хоу, за несколько лет до 705 г., и ужесточены после 717 г. Вторая, и более длинная, часть статьи, касающаяся коллективной ответственности членов семьи, соседей, старост, во всех трех вариантах практически оставалась одинакова⁶⁸.

Данный пример как нельзя лучше иллюстрирует роль нормативных установлений. Ими не подменялись уголовные установления. Они не служили материалом для последующих пересмотров уголовного кодекса, которые шли своим чередом независимо от издания конкретных указов или сборников нормативных установлений. Это были документы разных уровней.

Сами тогдашние китайцы отлично понимали эту разницу.

Составлявшие уголовный кодекс установления *люй*, равно как общеобязательные установления *лин*, хотя их и можно было пересматривать при последовательных редактурах соответствующих уложений, все равно оставались не реагирующими на мир, но взысканиями к миру. Они изменялись не потому, что ситуация в стране требовала каких-то экстренных мер, но потому, например, что изменились представления о человеколюбии — как, скажем, в случаях с заменой удавления отсечением правой стопы, а того, в свою очередь, на ссылку с дополнительными работами.

Изменения в *люй* и *лин* вносились тогда, когда изменялись представления о конкретных проявлениях справедливости, когда делался очередной шаг на бесконечном пути познания вечной вселенской гармонии и попытках уподобиться ей. Такие изменения вызывались жизнью духа.

А на изменения во внешнем, бренном мире отвечали нормативные установления, которые служили посредниками между великими принципами права и требованиями текущего момента. Именно нормативные установления не давали танскому праву закостенеть и оторваться от жизни, позволяли государству быстро и гибко реагировать на то, что составляло злобу дня. Но при этом сиюминутные законодательные реакции не должны были мешать базовым принципам сохраняться во всей их вечной красоте. И очень характерно, что, как опять-таки отмечает Д. Твитчетт, нормативные установления могли действовать на протяжении даже десятилетий без особых изменений, но они все равно не включались в *люй* или *лин*⁶⁹. Они кодифицировали поправки и дополнения, которые по природе своей ощущались преходящими, сиюминутными и всегда готовыми для отмены, изменения или очередного дополнения в ответ на изменения исторических обстоятельств.

Внутриведомственные установления *ши*

Работа танских юристов была интенсивной как над установлениями этого вида, так и над иными. Например, одновременно с пересмотром уголовных установлений, сведшимся к замене 92 наказаний смертной казнью на ссылку и

⁶⁸ См.: Twitchett 1967, p. 377–378.

⁶⁹ Ibid., p. 380.

71 наказания — ссылкой на каторгу, изданием общеобязательных установлений в 1546 статьях и созданием на базе более чем 3000 императорских указов, накопившихся со времен годов правления У-дэ, серии нормативных установлений в 700 статьях, составлялись и внутриведомственные установления, группы которых были предназначены точно для каждого из учреждений столицы, равно и для каждой из столичных гвардий охраны императора⁷⁰.

Были составлены *ши* годов правления Юн-хуй (650–655) в 14 главах, *ши* годов правления Чуй-гун (685–688), годов правления Шэнь-лун (705–707) и годов правления Кай-юань (713–741) в 20 главах; они были отредактированы и утверждены наравне с *гэ* и *линами*⁷¹. Д. Твитчетт отмечает, что в интервале между 624 и 737 гг. внутриведомственные установления обновлялись 11 раз, причем почти в каждом случае группирующие их разделы, если их названия сохранились, назывались так же, как соответствующие учреждения. Однако, в отличие от ситуации с нормативными установлениями, это не было неперенным правилом, и некоторые важные темы описывались в специально посвященных данным темам главах⁷².

Уголовный кодекс в той же статье, в которой предусматривалось наказание за нарушение общеобязательных установлений, предусматривал и наказание за нарушение установлений внутриведомственных. Как уже упоминалось, за нарушение *ши*, содержащих какое-либо предписание или какой-либо запрет, полагалось 40 ударов легкими палками⁷³.

То есть установления *люй* предписывали обязательные наказания за те проступки, о которых говорилось в них самих, за нарушение установлений *лин* и за нарушение установлений *ши*. Только за нарушения *гэ* в уголовном кодексе не назначено наказаний. Это дало возможность Д. Твитчетту предположить, что все установления *гэ* содержали определения карательных санкций за нарушение каждого из них в самих себе, так, как это было, скажем, в случае с *гэ*, посвященном изготовлению фальшивой монеты. Ссылки на нормативные установления в уголовном кодексе скорее подтверждают это предположение: там упомянуты *гэ*, согласно которым назначалось принудительное возвращение в мир монахов, которые самовольно оделись в мирское, или стодневное *куши* странствующим проповедникам. Если это действительно так, изоморфизм иньяноподобных двуединств закон–мораль, *люй–лин* и *гэ–ши* становится особенно наглядным.

Правда, некоторые ссылки на нормативные установления, сделанные в уголовном кодексе, отчасти размывают эту стройную картину, хотя и не противоречат ей напрямую. Судя по ним, порой *гэ* были ближе не к уголовным установлениям *люй*, но к общеобязательным установлениям *лин*, не запрещали, но обязывали, а потому не могли включать в себя карательных санкций за содержащиеся в них предписания. Например:

⁷⁰ См.: Синь Тан шу 1975, с. 1410.

⁷¹ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 4а.

⁷² См.: Twitchett 1957, p. 33–34.

⁷³ Тан люй шу и, ст. 449; см. также: Уголовные... 2008, с. 112.

Если в нормативных и в общеобязательных установлениях не предусмотрено для данного учреждения таких штатных единиц, но на них было произведено назначение, это называется назначением, когда не полагалось назначать⁷⁴.

Наказание же за такое преступление определялось отдельной статьей уголовного кодекса и зависело от числа неправильно назначенных (т.е. назначенных на реально предусмотренную должность, но более предусмотренного для нее числа служащих, или назначенных на должность, выдуманную самим назначающим). В таких случаях за одного противоправно назначенного человека полагалось наказание 100 ударами тяжелыми палками, за каждых последующих трех человек наказание увеличивалось на одну степень и при 10 человеках достигало возможного максимума — двух лет каторги⁷⁵. Наказание, следовательно, в данном случае назначается уголовным установлением — и назначается оно за нарушение нормативных установлений, которые носят предписывающий характер (количество штатных единиц) и даже в самом тексте статьи поставлены в ряд с установлениями общеобязательными.

Или:

В нормативных, общеобязательных и внутриведомственных установлениях нет текстов о том, что в данных обстоятельствах должно подавать доклады... но подали доклад... Должно наказывать 80 ударами тяжелыми палками⁷⁶.

Наконец, уже упоминавшееся выше нормативное установление, вводящее запрет на отъезд за рубеж вместе с мужьями китайнок, вышедших замуж за варваров во время их пребывания в Китае, уточняется в кодексе так:

Прибывшим ко двору варварам разрешается оставаться на жительство, тогда им можно брать жен и наложниц. Но если тот, кто взял жену или наложницу, возвращается с нею в варварские пределы, закон предусматривает наказание за нарушение Высочайшего распоряжения⁷⁷.

За само же нарушение Высочайшего указа или распоряжения кодекс назначал наказание двумя годами каторги⁷⁸. Значит, карательная санкция назначалась и в этом случае уголовным установлением *люй*, но не нормативным установлением *ээ*.

И все же действительно представляется наиболее вероятным, что нормативные установления в целом служили дополнениями и уточнениями к уголовным установлениям, а внутриведомственные установления — в целом дополнениями и уточнениями к установлениям общеобязательным. Родство *лин* и *ши* несомненно уже хотя бы потому, что в статье кодекса, вводящей наказа-

⁷⁴ Тан люй шу и, ст. 35; см. также: Уголовные... 1999, с. 202.

⁷⁵ Тан люй шу и, ст. 91; см. также: Уголовные... 2001, с. 9–10.

⁷⁶ Тан люй шу и, ст. 117; см. также: Уголовные... 2001, с. 54.

⁷⁷ Тан люй шу и, ст. 88; см. также: Уголовные... 1999, с. 350.

⁷⁸ Тан люй шу и, ст. 112; см. также: Уголовные... 2001, с. 46.

ние за их нарушение, они перечисляются рядом как нормы однотипные, неразрывно связанные функционально и лишь чуть-чуть различающиеся статусно: наказание за нарушение *лин* на одну степень тяжелее, чем за нарушение *ши*. Значит, *лин* чуть-чуть, на одну степень, важнее *ши*.

В уголовном кодексе «Тан люй шу и» цитат из внутриведомственных установлений хоть и меньше, чем цитат из установлений общеобязательных, но гораздо больше, чем из установлений нормативных. Например:

Согласно внутриведомственным установлениям, в заступающих на дежурство гвардиях все, от рядового гвардейца и выше, распределяются и назначаются по местам выполнения вверенных служебных обязанностей наличным начальником данной гвардии⁷⁹.

Но тут же вводится и наказание за нарушение этого установления, отличающееся от предписанного в уже не раз упоминавшейся ст. 449⁸⁰, а именно:

Если некто вразрез с внутриведомственными установлениями распределил назначения не в соответствии с вверенными служебными обязанностями или порядком очередности или же самовластно передал своего подчиненного кому-либо в подчинение либо использовал в другом месте как обслугу, в любом из этих случаев он наказывается 100 ударами тяжелыми палками⁸¹.

Или:

Согласно внутриведомственным установлениям привратной стражи, человек, получивший Высочайшее повеление на открытие каких-либо из ворот дворцового комплекса ночью, делает полные отметки о необходимости раскрыть ворота и о людях, которые входят или выходят, и Высочайшее повеление пересылается к сведению Надзора Срединных документов (*чжуншуншэн* 中書省). Надзор Срединных документов пересылает его к сведению Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省). Тогда кто-либо из ответственных за все внутренние ворота Дворцового комплекса молодец при вратах (*чэнмэньлан* 城門郎), а также главнокомандующий (*да цянцзюнь* 大將軍) либо командующий (*цянцзюнь* 將軍), срединный молодец-командующий (*чжунланцзян* 中郎將) либо молодец-командующий (*ланцзян* 郎將), общеназначивший пристав (*чжэчун* 折衝) либо непреклонно-смелый общеназначивший пристав (*гои* 果毅) от всех находящихся в данный момент на очередном дежурстве гвардий и от Привратных гвардий (*цянмэнь* 監門) — по одному [от каждой инстанции], являются в палаты с докладом, испрашивающим подтверждения распоряжения. По получении державного подтверждения испрашивают составную верительную бирку и ключи от ворот. Ответственные чиновники привратной стражи

⁷⁹ Тан люй шу и, ст. 70; см. также: Уголовные... 1999, с. 314.

⁸⁰ В которой за нарушение *линов* и *ши* вводится наказание соответственно 50 и 40 ударами легкими палками.

⁸¹ Тан люй шу и, ст. 70; см. также: Уголовные... 1999, с. 314.

первым делом приводят привратный караул в состояние чрезвычайной готовности. Внутри и снаружи от раскрываемых ворот выставляются отряды, зажигаются факелы и производится проверка подлинности составной верительной бирки. Затем раскрывают ворота⁸².

Или:

Порядок и виды благовещих знамений изложены во внутриведомственных установлениях Палаты церемоний⁸³.

Или:

Во внутриведомственных установлениях Военной палаты предписано: если во время похода умер общеназначивший пристав (*чжэчун* 折衝), жертвуется 30 двойных *ти* шелка, если умер непреклонно-смелый общеназначивший пристав (*зои* 果毅) — 20 двойных *ти* шелка, если умер нарочный командующий — 10 двойных *ти*⁸⁴.

Или:

Согласно внутриведомственным установлениям Палаты церемоний, у чиновников 5-го ранга и выше одеяние фиолетовое, а у чиновников 6-го ранга и ниже — красное⁸⁵.

Информация, содержащаяся в *ши*, крайне разнородна, но это и понятно — они не представляли и не могли представлять собой связный текст, но были набором конкретных норм, затрагивавших более или менее мелкие темы. Это было что-то вроде уставов или правил внутреннего распорядка — сухие и точные описания конкретных действий, которые должны производить по тому-то и тому-то случаю служащие того или иного учреждения и отступать от которых было наказуемо: либо, согласно основной на сей счет статье уголовного кодекса, за такое отступление полагалось 40 ударов легкими палками, либо, если специальные статьи кодекса предусматривали за данное нарушение наказание более тяжелое, — согласно специальной статье.

Впрочем, гораздо лучше, чем по коротким цитатам из «Тан луй шу и», природу внутриведомственных установлений можно представить себе по переводу обширного фрагмента *ши*, найденного в Дуньхуане. Этот перевод в качестве приложения приводит в своей специально посвященной *ши* статье уже не раз упоминавшийся мною Д. Твитчетт. Данная подборка внутриведомственных установлений прямо адресована одному-единственному учреждению — водному отделу (*шуйбу* 水部) Работной части (*гунбу* 工部). Но, как видно из содержания документа, его предписания адресовались не только центральному аппарату отдела, но и специально водоустроительным учреж-

⁸² Тан луй шу и, ст. 71; см. также: Уголовные... 1999, с. 315. Относительно упомянутых должностей и перевода их названий см.: Рыбаков 2009, с. 239, 245, 249, 370, 385, 389.

⁸³ Тан луй шу и, ст. 377; см. также: Уголовные... 2005, с. 348.

⁸⁴ Тан луй шу и, ст. 407; см. также: Уголовные... 2008, с. 39.

⁸⁵ Тан луй шу и, ст. 449; см. также: Уголовные... 2008, с. 112.

дениям определенных местных единиц. Я позволю себе без комментариев привести несколько выдержек из этого перевода.

На всех главных каналах, вода которых используется для ирригации, везде, где есть шлюзы, следует воздвигать из камней или бревен боковые стены с тем, чтобы укрепить их. Плотины не следует строить непосредственно на канале.

Там, где есть главный канал, используемый для ирригации, и где уровень воды низок, а земля высока, плотины непосредственно на канале строить не следует. Разрешается строить шлюзы, чтобы забирать воду в высоких местах вверх по течению. Все шлюзы должны строиться под надзором должностных лиц округов и уездов, и их нельзя строить по частной инициативе. Малые ответвления каналов, там, где земля высока, а уровень воды низок, разрешается в надлежащий период временно перекрывать с тем, чтобы оросить землю... Когда вода достигнет всех, разлив должен быть прекращен. Первая обязанность властей — обеспечивать, чтобы вода распределялась поровну всем, и они не должны быть пристрастны и несправедливы.

На глубоких местах старого канала дворца Хэби надлежит спланировать и построить шлюзы для регулирования воды так, чтобы канал всегда поддерживался полным. Простым людям разрешается брать из него воду по очереди, когда они в ней нуждаются...

На реке Фэньшуй в уезде Хэсисянь округа Тунчжоу простым людям разрешается пользоваться водой для орошения с 1-го дня 4-го месяца до 30-го дня 7-го месяца...

Когда транспортные корабли из разных округов на пути к Великому зернохранилищу на север проходят через Внутренний парк Цзыюань, если они остаются там на ночь, 1 или 2 человека должны оставаться на борту в качестве сторожей, а остальные могут отдыхать вне корабля.

На таможенном переходе Хуйнин должно быть 50 судов. Официальным лицам надлежит назначать сильных и способных чиновников для их осмотра и надлежит отряжать войска для их охраны и защиты. Им нельзя бросать якорь у северного берега. В других местах по Хуанхэ, которые удобны для перехода, окружные и армейские администрации должны быть беспощадными, арестовывая тех, кто переходит реку без соответствующих документов.

Везде, где есть понтонные мосты, после 10-го месяца, когда крепнет лед, крепления их должны сниматься⁸⁶.

Отчетливо видно, что внутриведомственные установления представляли собой точные, дотошные, детальные инструкции, составленные отдельно для каждого из упоминаемых в них пункта или района, с учетом его специфики, рельефа, иных природных условий, его стратегического значения, населения и его занятий и т.д.

⁸⁶ Twitchett 1957, p. 38–66. Все китайские термины тщательно и подробно прокомментированы самим Д. Твитчеттом в его статье.

Конечно, подобные задачи не могли быть решены при помощи общеобязательных установлений — такая конкретика была *линам* не под силу. Они устанавливали общие для всей империи правила игры. Ведь чиновники всех административных единиц, упомянутых в вышеприведенной цитате (равно как и всех иных), получали жалованье и должностные поля по одним и тем же, одинаково увязанным с их рангами нормам, носили платье одинакового покроя и цвета, получали равные отпуска по случаю смерти родственников или совершеннолетия отпрысков. Но что именно им надлежит делать конкретно, надев эти одинаковые одеяния и получив одинаковое жалованье, как благоустроить порученные им административные единицы, как заботиться о вверенном им и потому подвластном им простом народе — это для каждого конкретного случая расписывали *ши*. Общеобязательные и внутриведомственные установления представляли собой единый комплекс административных законов, но первые являлись повсеместно и наравне применяемыми общими правилами социального поведения, тогда как вторые обычно трактовали о делах, связанных с разделением полномочий и ответственности между отдельными, часто низовыми, учреждениями и отдельными территориями.

Очень жаль, конечно, что нормативные и внутриведомственные установления практически не дошли до наших дней, но было бы куда хуже, если бы история сложилась иначе и в распоряжении китаеведов остались сравнительно полные наборы *гэ* и *ши*, но безвозвратно исчезли *люй* и *лин*.

Потому что тогда вместо грандиозной картины тотально гармонизированной социальной Вселенной, связанной воедино сложной системой взаимных долженствований, вместо завораживающего отчета о титанических усилиях уподобить движение официальных бумаг, людей, семей, государственных структур, всего общества в целом непреложному постоянству, свойственному движению планет, повторению сельскохозяйственных сезонов и честному исполнению своего долга Землей и Небом, современный историк мог бы наблюдать и анализировать лишь достаточно обыденное, суетное приспособление административной машины к переменчивым мелочам, жалкий одышливый бег неизменной и потому вечно пожилой вечности вдогон всегда новым, всегда юным и потому всегда ветреным превратностям бытия.

Литература

- БКРС 1983–1984 — Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1984.
- Книга правителя области Шан 1968 — Книга правителя области Шан / Пер. с кит., вступит. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Кычанов 1986 — *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1986.
- Ниидэ Нобору 1964 — *Ниидэ Нобору.* То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.
- Рыбаков 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009.

- Свод законов «Тайхорё» 1985–1989 — Свод законов «Тайхорё» / Вступит. ст., пер. с др.-яп. и коммент. К.А. Попова. М.: Наука, ГРВЛ, 1985–1989. Т. 1–3.
- Синь Тан шу 1975 — Синь Тан шу (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин, 1975.
- Сун син тун 1964 — Сун син тун (Свод уголовных законов периода Сун). Т. 1–2. Тайбэй, 1964.
- Уголовные... 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
- Уголовные... 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
- Уголовные... 2005 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005.
- Уголовные... 2008 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
- Цзю Тан шу 1936 — Цзю Тан шу (Старая история Тан) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы). Т. 72–74. Шанхай, 1936.
- Balazs 1953–1954 — *Balazs E.* Le Traité juridique du “Souei-chou” // *Études sur la société et l'économie de la Chine médiévale*. Vol. 1–2. Leiden: Brill, 1953–1954. Vol. 2.
- Bodde, Morris 1967 — *Bodde D., Morris C.* Law in Imperial China. Cambridge, 1967.
- The T'ang Code 1979 — The T'ang Code. Vol. 1: General Principles / Trans. with an introd. by Wallace Johnson. Princeton, 1979.
- Twitchett 1957 — *Twitchett D.C.* The Fragment of the T'ang Ordinances of the Department of Waterways Discovered at Tun-huang // *Asia Major, New Series*. Vol. VI, pt 1. L., MCMLVII (1957).
- Twitchett 1963 — *Twitchett D.C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge, 1963.
- Twitchett 1967 — *Twitchett D.C.* A note on the Tunhuang fragments of the T'ang Regulations (*ko*) // *Bulletin of the School of Oriental and African studies. Univ. of London*. Vol. XXX, pt 2, 1967.